

Когда началось?

Да какая разница.

Этот сон всегда приходил незаметно. Сначала появлялась дыра в виде правильного круга, в ней виднелось небо в отсветах, на котором за ошметками туч прятались звезды.

Хватаюсь за металлический прут. Шуршит и отваливается ржавчина, ладоням скользко. Подтягиваюсь, носком ботинка нахожу опору. Поручни дрожат, крошится кирпич. Одолеваю ступеньку. Теперь выше, только выше. Ползу к цели в темноте. Мышцы сводит от страха, нестерпимо чешется нос. Но надо вперед. Туда, где круг в темноте.

Я уже близко. Круг сужается. Задеваю невидимые стенки плечами. Еще усилие — и вот я уже ловлю свежий ветерок. Поручень рвется в кулаке, успеваю вцепиться в сколотый край. Поднажал — и вот я уже наверху.

Ночной город лежит передо мной огненной картой. Улицы залиты лавой машинных фар под гирляндами фонарей. Их отражения пляшут в черной мгле канала.

Перекидываю ногу, чтобы оседлать Башню Вождя. Я точно знаю, что она называется так. Разбитый кирпич колет в пах, шевелиться боюсь, жму стенку коленями, как плохой наездник. Так высоко, что дышать страшно.

Ветер толкает, падаю животом на кирпичи.

Удержаться бы хоть как-то.

Зачем я здесь? Не знаю. Надо сделать что-то важное, настолько важное, что от этого будет зависеть... Что? Не знаю.

Веселый город рядом, рукой достанешь. Но та жизнь недостижима, как будто отрезанная от меня темной чертой. Я вне её. Я внутри чего-то другого.

Внезапно понимаю, что сижу на горловине печной трубы, такой старой, что кладка может развалиться от крепкого щелбана. И тут накатывает... Нет, не страх спускаться по ржавым сходням, а что-то совсем другое. Как будто лопнула струна. Кристально-чистое отчаяние. Зарыдать бы, завывать, но слез нет, и голоса тоже.

И тут я вспоминаю, что должен сделать. Перекидываю другую ногу и сижу, балансируя на двух кирпичах. Стоит только чуть сильнее нагнуться, совсем немного — и...

В реальность меня возвращает шум из соседней квартиры. Пролетарии встают рано.

Смотрю на будильник — еще остается час-другой сна. Я лежу в постели и не могу разобрать, что же такое пришло, от чего осталось ощущение тревоги? Что-то видел и забыл. Заворачиваюсь в одеяло и как убитый сплю до звонка будильника...

Так повторялось много ночей.

Я просыпался и забывал.

Но в одно долбаное утро, когда успеваешь продрать глаза, залить в кишки кофе, обдаться свежим шампунем и успеть на офисную каторгу, я вспомнил сон.

Ну, вспомнил — и вспомнил, подумаешь, проблема. Поехал вкалывать.

Если б я знал...

—• 44-й до Эры Резины

Тимур не мог сообразить, где они познакомились. Еще недавно понятия не имел об этом парне, а вот он стал вдруг приятелем, которого можно было хлопнуть по плечу, ткнуть в живот, крепко пожать ладонь и спросить «ну, как ты?» — и обоим станет понятно, о чем идет речь. С Федором оказалось легко: можно и пива выпить, и почесать языками обо всем на свете — как с неразлучным другом, с которым дрался в детском саду, дразнил девчонок в школе и напивался в хлам на первом курсе. В общем, прожил сознательную жизнь. Вроде бы Федор тоже работал в банке.

...Получив обед из трех блюд, Тимур уже открыл рот, чтобы влить в него ложку борща, как вдруг приметил этого самого Федора, который высматривал кого-то среди сидящих за столиками. Бросив ложку в тарелку с борщом, Тимур замахал, привлекая к себе внимание Федора.

Федор бухнулся напротив и, не заказав даже кофе, но, пошутив над хилой закуской клерка, спросил:

— Ты ведь занимаешься закупками?

— Мебель и канцелярия, — кивнул Тимур, снова приступая к остывающему борщу. — В нашем отделе каждый на своей теме, сам понимаешь.

— Случайно нет крупного заказа?

— Как раз формирую начинку нового отделения.

А что такое?

— Есть выгодные поставщики.

— Насколько выгодные?

Федор озвучил: процент хороший, просто отличный. Старые поставщики стали прижимисты, пеняли на кризис, жадничали, больше трех процентов отстегивать не хотели, да и то норовили оформить его скидкой. Тяжелые времена требовали новых подходов. Не без интереса Тимур спросил:

— Что за волшебники? В городе и окрестностях я всех знаю.

— Их название тебе ничего не скажет, к тому же они его часто меняют, такие чудаки, — усмехнулся Федор. — Ты погугли и сразу их найдешь, наверняка в первой десятке. Главное, на адрес смотри: на Обводном канале.

— А сам не можешь?

Федор прикрыл глаза пятерней:

— Мы с компьютером не дружим. Да, стыдно, но что поделать. А ты как найдешь — звякни, подброшу тебя к ним в офис в качестве платы за труды, заодно возобновлю знакомство.

Вернувшись в офис, Тимур вошел в Сеть. Поиск выдал четыре адреса, которых он не знал. Одна конторка, ООО «Надежда», действительно располагалась в глухом конце набережной Обводного канала. Путь не близкий, практически другой конец города. Стоило ли напрягаться?

Он принялся обзванивать незнакомые номера. В первом месте намек решительно не поняли, в другом поняли, но цена была такой, что после такого заказа

пришлось бы танцевать краковяк перед службой экономической безопасности. Третий телефон молчал.

Осталась «Надежда». Ответил приятный женский голос, не визгливый, с ноткой щекочущей близости, манящий и обещающий. Кроме приятных эмоций, цены в «Надежде» оказались не просто интересными, а какими-то подозрительно выгодными. Притом все товары имелись на складе, и поставка была без предоплаты.

— У нас особые отношения с мебельными фабриками, — объяснила милая девушка, назвавшись Алисой. И напрямик заявила, что их фирма учитывает интересы заказчиков, а новых — особенно. Контора располагалась на территории бывшего завода, снимала офис и склады.

Навар поднимался густой и сладкий. Такое дело нельзя было откладывать. Тимур стремительно подписал бумажки, связался с Федором и через полчаса уже ехал в его новенькой «бомбе».

Федор успел переодеться в кожанку с большими карманами и благородными потертостями, свитер грубой вязки, с воротником, закрывавшим горло, и даже вязаную шапочку с шарфом, как будто на улице была не ранняя осень, а глубокая зима. На заднем сиденье покачивался горный рюкзак, набитый под завязку, из-под брезентового клапана выпирало цевье альпийского топорика.

— Как они называются? — спросил Федор, резко дернув передачу.

— ООО «Надежда»... — ответил Тимур и тревожно спросил: — Это точно не кидалово? Уж больно прайс интересный.

— Надежда, говоришь? — усмехнулся Федор. — Надежда не обманет. Тебе понравится.

— А это зачем? — Тимур покосился на рюкзак.

Но тут под колеса метнулся очередной придурок, игнорирующий пешеходные переходы, а когда обошлось, Федор завел шутливый треп...

Пробивались через гиблые пробки центра города, ожесточенные сумрачной погодой, мокрым асфальтом и желанием каждого переть, как ему вздумается. Объехали остатки двух аварий, свернули с Московского проспекта на Обводный канал, толкаясь в плотном потоке, миновали бывший Варшавский вокзал, ныне прозябающий в роли торгового центра, протащились мимо Балтийского вокзала, с которого население обычно стартует на огороды, и отстояли дежурный затор у моста. Но как только проскочили перекресток, дорогу словно вычистили. Да и кому интересно тут ошиваться: жилых кварталов нет, магазинов нет, развлекухи нет, только старая дорога к торговому порту.

Над набережной возвышалась крепостная стена красного кирпича. Не бетонный сарай, экономичное изделие советской промышленности, а имперская кладка в пять этажей на века. Посредине каменного вала с шеренгами пустых окон громоздилась уступами башенка с плоской крышей, циферблат без стрелок и пара покосившихся букв эпохи социализма. Мертвый завод встречал бастионом павшим, но не сдавшимся.

Не остановившись, проехали вдоль красного здания до угла, где завод прерывался Старо-Петергофским проспектом, лихо развернулись и помчали обратно.

Неожиданно Федор тормознул так, что в Тимура врезался ремень безопасности.

— Приехали!

Припарковались невдалеке от главного входа, у которого не было ворот, а между соседними корпусами перекинулась дуга бетонного виадука, под которой пролез бы крейсер. Каменное коромысло держало перемычку из невымытых стеклоблоков. В стене виднелась прорубленная дверь, давно заброшенная, над гнилым косяком торчал обрывок вывески, от которой остались буквы: «...делия».

Федор внимательно огляделся, вдруг снял куртку и свитер, под которым обнаружился скрытый тельняшкой бронжилет, и беззаботно подмигнул:

— Махнемся не глядя?

В этот момент Тимур был уверен, что так и надо поступать, а потому предоставил приятелю любимую курточку кельвинакляйна с пиджаком и рубашкой. Чужой свитер пришелся в пору, но кожанка оказалась великовата.

— Тут недалеко. — Федор застегнул молнию наглухо. — Мимо «лежачего полицейского» свернешь за разваленный домик, увидишь что-то вроде площади, на которую выходят три заводские улицы. Метрах в тридцати будет четырехэтажное здание. Наверняка наткнешься на вывеску «Надежда».

Вытащив с заднего сиденья рюкзак, с виду тяжелый, Федор закинул его на плечо и с грохотом захлопнул дверцу машины:

— Жди у входа на лестницу, скоро буду, — помахал он, как будто прощаясь навсегда, и быстрым шагом удалился.

Тимур поежился. Вещь с чужого плеча тянула и давила, в карманах что-то пряталось.

Вблизи величие завода истощалось до убогости. Свободному въезду мешал шлагбаум, перемотанный скотчем, вместо проходной торчала перевернутой пирамидой будка из линялых досок, изнутри тренькал приемник, а на порожке задрых барбос, уткнув нос в грязные лапы. Будку подпирал охранник в черной форме, пропуск не выписал, а допустил в «Надежду» ленивым кивком небритого подборodka.

«Лежачий полицейский» приятно спружинил. Позади что-то хлопнуло, словно открыли банку с газом. Тимур оглянулся: охранник, привалясь к сторожке, посадывал пиво из банки, шлагбаум ветхо дрожал.

За углом полуразваленного сооружения действительно оказалась развилка дорог. Территория бывшей промышленности встретила обвалами стен красного кирпича. Ведущая непонятно куда ржавая одноколейка. Лысые окна, груды мусора и строительного щебня, тут и там гнутые металлические конструкции навроде орудий пыток или хитрых подъемников, раскуроченных великаном. Оборванные провода качались на сквозняке. Кое-где торчали кустики, мох сползал по стенам, будто завод покинули много столетий назад. Тишь, уныние, тоска...

Что казалось странным: примет коммерческой деятельности не замечалось. Ни контейнеров, ни спящих ребят-менеджеров, ни водил-экспедиторов с «бычками», ни мелких и даже крупных оптовиков. Покой заброшенного хутора. Даже звуки города сюда не доносились.

Тимур отчетливо начал понимать: на мертвом заводе опасно. Опасно — и все! Чем именно опасно, было неизвестно, но чувствовалось здесь что-то неуловимо неприятное — такое, что ему расхотелось навариться, а захотелось как можно скорее унести отсюда ноги.

Федор не показывался. И Тимур повернул обратно.

Но охранник замахал ему:

– Иди-иди, они близко, не заплутаешь!

– Война, что ли, прошла? – чтобы хоть как-то разогнать свой страх, попытался пошутить Тимур.

– Само развалилось...

И Тимур снова зашагал вперед.

Вывеска нужной ему фирмы действительно тут же показалась. Над дверным проемом торчал баннер с радостным возгласом «Добро пожаловать в ООО «Надежда», точно такая же надпись виднелась на уровне четвертого этажа под белыми стеклопакетами, за которыми наверняка и находился офис. Контора нашлась, а Федор нет.

Погода портилась. Из реденькой мороси родился дождик, холод пробрался Тимур под шерстяной свитер и кожанку. Тимур поежился, терпение кончалось. Приятель запропастился, девушка Алиса ждет с контрактом, а он стоит тут и не заходит. «Все, – решил Тимур, – опаздывать невежливо, сосчитаю до ста и двину в офис». Но, дойдя до «двадцать один», он сбежал от ледяного дождя и заскочил в подъезд.

Наверх вела лестница с массивными щербатыми ступенями и старинными крепкими перилами. Лифта не было. Когда ставили этот домище, о них не догадывались. Никаких электрических лампочек – освещение составлял дневной свет из сводчатых окон. Батарей центрального отопления тоже не наблюдалось. На лестничные площадки выходили черные лакированные двери без табличек. В кафельном полу Тимур разглядел поворотные круги с литыми печатями, от которых разбежались пересекающие друг друга узенькие рельсы. Одни

соединяли черные двери, другие вели от глухой стены до обрыва лестницы. Зачем они были нужны, Тимур не понял.

Доковыляв до четвертого этажа, он задохнулся — такими высокими были ступени и длинными лестничные пролеты.

Белая дверь гостеприимно призывала табличкой «Надежда». Изможденному путнику открыла милая девушка в очень короткой юбке.

— Как вы нас нашли? — приветливо улыбнулась Алиса, поскольку по голосу Тимур понял, что это была именно она.

— Легко, — соврал Тимур, с трудом переводя дух. — Что ж тут за развалины?

— Бывший завод резиновых изделий, — объяснила Алиса. — Галоши делали, шины и тому подобное. Скоро будет реконструкция под деловой квартал. Мы успели купить помещение по выгодной цене.

Офис благословенной конторы натужно сиял галогеновыми лампами. Идеальный порядок, бежевый кафель, белые стены, столы «металлик», ни веселого плаката или кактуса в горшке, у мониторов ни одной мелкой игрушки, папки в геометрическом порядке. Ничего личного и лишнего.

А вот Алиса оказалась дельным специалистом. Общий язык нашелся легко, как у тех, кто привык покупать-продавать. По каталогу были выбраны офисные мебели, без которых невозможно трудиться во славу акционеров, Алиса оформила контракт, набросала бюджет и тут же откинула процент.

— Наши платеж зашлют, постараюсь, чтобы сегодня. Так я загляну? — спросил Тимур.

— У нас все сразу. — Алиса отсчитала порцию пятикотенных купюр. — Ничего, что евро? Надеюсь, в следующий раз обратитесь к нам.

Клятвенно пообещав, Тимур прикинул, когда на таких заказах он сможет купить себе серебристый «Ниссан-Тиана».

— У нас хорошие позиции по бакалее. Интересно? — проворковала Алиса.

— Эту тему ведет мой коллега, — выскочил из приятной задумчивости Тимур.

— Возьмите на пробу, вдруг пригодится. — Девушка выудила из недр шкафа упаковку минералки по двести пятьдесят миллилитров, запайки копченых колбас, наборы сыров, четвертушку хлебной нарезки и крошку-бутылек виски для полетов. — Оптовики предоставляют раздаточные экземпляры, это бесплатно.

Не найдя сил отказать, Тимур спрятал халяву в пластиковый пакет, выданный радушной хозяйкой, и нацелился на выход. Но Алиса опередила:

— Прошу простить за неудобство, там прохода нет, началась погрузка.

Действительно, что-то визжало, словно глыбу металла тянули по камням.

— Прошу за мной... — И, грациозно покачивая бедра, она зацокала в глубь офиса. Симпатичные «булочки» еле скрывались юбочкой, узкая талия походила на хваткую рукоятку, колечки рыжих волос терлись друг о друга с медовым перезвоном. Захотелось спросить номер ее мобильного.

Офис растянулся на целый этаж, но был пустым: горели мониторы, кресла от столов отодвинуты, на спинках кресел висели пиджаки и отдыхали сумочки, но